

Настасья Митреяновна (Иван Годинович)

Говорил-то дядюшка племянничку:

«Пора, племянницёк, женитисе,
Те пора женитце, время свататце!» —
«Глупой дядя, неразумной-от!

Где-ка мне женитисе?

Мне старá-та взять — дак на печи лежать,
Мне безрука взять — надоть работати,
Молодая взять — дак цюжá корысьть,
Мне кривая взять — дак мне не хоцетце».

Не видели-то молодця седуци,
Только видели уда́лого поёдуци,
Во цистом поли курева стоит, дым столбом встаёт.

Он ехал молодець день до вецёра.

Красно солнышко пошло ко зáкату.

Приехал он к городу да Митреянову;

Становил добра коня у нова двора;

Он идёт по лестовкам дубровым —

Подь им лестовки да подгибалисе,

Новые сени колыбалисе.

Заходил в полату Митреянову,

Садилсэ он на лавоцьку на дьвёрную —

Под им лавоцька да подгибаласе.

Говорил тут Митреян да Митреяновиць:

«Ты не вор ли пришол, не розбойницёк?

Не ночешной ты подорожницёк?

Не збеглой солдат ли ёсударевой?»

Отвечят уда́лой доброй молодець:

«Я не вор пришол, не розбойницёк,

Не ночешной подорожницёк,

Не збеглой солдат ёсударевой;

Я приехал сильней русской могуцей бога́тырь,

Я приехал к тебе о большом дели, о свáтофсьви

На твоей Настасьи Митреяновны».

Говорит тут Митреян да Митреяновиць:

«У меня есь цядышко просватано,

Три года уш как просватано
У того Идóлишша проклятого,
У проклятого Идолишша поганого.
Уехал Идолишшо ф цистó полё
Он стрелять-палить гусей, лебедей,
Фсяких пернатых мелких утоцёк;
Оставил Настасью за сорок замкоф,
За сорок замкоф шурупцятых».
Тут-то молотцу за беду стало,
За ту насмешку за великую;
Скоцил со лавоцьки со дверьныя,
Поломал сорок замков шурупцятых,
Брал Настасью Митреяновну
И садил Настасью на добра коня,
На добра коня позади себя;
Поехали оны во чистó полё.
Ехали оны день до вецёра.
Красно солнышко пошло ко западу и ко зáкату.
Говорит Настасья Митреяновна:
«Уш ты ёй еси, удалой доброй молодец,
Скоро-руськия могуцёй, сильнёй бо́гатырь!
Мне пора с тобой опоцин дёржать,
Нам добру коню надоть здох давать».
Ишше тут молодец да скоро слушаёт.
Остоял он своего добра коня;
Роскинули оны белóй шатер полóтьняной.
Приежаёт Идолишшо ис цистá поля —
Нет Настасьи Митреяновны.
Берёт с собой он саблю вострую,
Во других берёт палицу тяжолую.
Не поехал Идолишшо в цистó полё.
Увидал он во цистóm поли белóй шатёр;
Он думат своей думою тотарскою:
«Мне сонно́го-то убить — всё как мёртвого,
Мне сонно́го-то убить фсё не цесь-хвала».
Крыцьял-зыцьял зыцъним голосом:
«Ты ёй еси, могуцёй, сильнёй бо́гатырь!
подавай мне теперь поединьшика!
Не даёшь ты мне поединьшика —

Из живого я из ты жилы вытяну».
Ставал удалой доброй молодец;
От крепкого сна да пробужаитце,
Садилсэ он да на добра коня:
Перьвой рас съехались, приударились,
Друг друга дó больня не ранили;
Фторой-от рас съехались, ударились,
Друг друга до больня не ранили;
Третей рас съехались, ударились;
Трехнул удалой доброй молодець
Идолишша проклятого о сыру землю.
Хотел пороть да груди чорны ёго тотарския.
Во перьво́й корманьчик бросаитце —
У ёго ножоцька не слуцилосе;
Во другой корманьчик он бросаитце —
Тожо ножоцька не слуцилосе.
Говорит удалой доброй молодець:
«Уш ты ё́й еси, Настасья Митреяновна!
Ты подай мне булатён нош
Спороть ёго да груди цёрныи,
Вынимать ёго серьцё тотарскоё».
Тово Настасья фсё не слушаёт.
Говорит он во фторой након:
«Уш ты ё́й еси, Настасья Митреяновна!
Ты подай мне булатён нош
Спороть ёго да груди цёрныи,
Вынимать ёго серьцё тотарскоё».
Тово Настасья фсё не слушаёт;
Говорит он во третей након:
«Уш ты ё́й еси, Настасья Митреяновна!
Ты подай мне булатён нош
Спороть ёго да груди цёрныи,
Вынимать ёго серьцё тотарскоё».
Тово Настасья фсё не слушаёт.
Говорит Идолишшо проклятое:
«Ты ё́й еси, Настасья Митреяновна!
Не неси булатён нош,
Не ходи в ихню веру християньскую!
Ихня вера есь тяжолая,

Тяжолая вера християньская:
Надоть кстить-крестить лицо белоё,
У их водятце среды-пятници,
Имеют они посты долгие.
Лёхка наша вера тотарская:
Не надоть кстить-крестить лицо белоё,
У нас не водятце среды-пятници,
Не имеем мы постов долгиих.
Поди бери ёго за желты кудри,
Трехай его о матушку сыру землю,
Неси мне-ка булатён нош
Роспороть ёго груди белыя,
Вымать ёго серьцё християньскоё».
Идёт Настасья Митреяновна,
Несёт ему булатён нош.
Он хотел пороть ёго да груди белыя.
Говорит удалой добрый молодец:
«Не трони меня, Идолишшо проклятое!
Я не буду битьце-дратьце о пустом дели,
О пустом дели, фсё о женьшины».
Он раздумалсэ думой тотарьскою,
Пушшял ёго на свою волю.
Спустил удала добра молотца на свою волю —
Только молодец и жонат бывал,
Только молодец и с жоной сыпал.

Записана А. В. Марковым в с. Поное на Терском берегу Белого моря от А. И. Горбунцовой, родом из с. Пялицы.